

- <sup>15</sup> Quinzaine coloniale. 1911. 25 février. P. 115; *Labroue H.* Op. cit. P. 121.
- <sup>16</sup> Quinzaine coloniale. 1905. 10 mars. P. 144.
- <sup>17</sup> Ibid. 1905. 10 janvier. P. 6; 25 janvier. P. 45; 10 mars. P. 139; 10 novembre. P. 65; 1911. 10 janvier. P. 8.
- <sup>18</sup> j Echo de Chine. 1913. 7 juillet.
- <sup>19</sup> Quinzaine coloniale. 1905. 10 mars. P. 159; 1907. 25 février. P. 116; j Asie française, juil. 1909. P. 288; j Echo de Chine. 1912. 17 février; 1913. 7 juillet.
- <sup>20</sup> j Echo de Chine. 1912. 3 août.
- <sup>21</sup> АВПРИ, ф. Канцелярия, д. 114, л. 6. Секретная депеша Н. Эльтекова. Бангкок. 20.05.1907.
- <sup>22</sup> j *Йconomiste français*. 1905. 30 mars. P. 451.
- <sup>23</sup> Quinzaine coloniale. 1905. 10 mars. P. 155.
- <sup>24</sup> Ibid. 1905. 10 février. P. 83, 132; 10 avril. P. 338.
- <sup>25</sup> Quinzaine coloniale. 1905. 10 mars. P. 144; j Echo de Chine. 1913. 9 août.
- <sup>26</sup> Quinzaine coloniale. 1905. 10 novembre. P. 649–650.
- <sup>27</sup> *Сен-Морис*. Банки и займы, орудия иностранной политики. М.; Л., 1925. С. 67, 89, 90.
- <sup>28</sup> Русские финансы и европейская биржа в 1904–1906 гг. / Центрархив. М.; Л., 1926. С. 345–346.
- <sup>29</sup> *Покровский М. Н.* Франция до и во время войны. Л., 1924. С. 23–25.
- <sup>30</sup> *Girardet R.* Op. cit. P. 103, 105, 107, 112, 114.
- <sup>31</sup> Quinzaine coloniale. 1905. 10 mars. P. 137.
- <sup>32</sup> Bulletin de sAssociation amicale franco-chinoise. P., 1912, juil. P. 300–301.
- <sup>33</sup> *Girardet R.* Op. cit. P. 84.

С. С. Беляков

### Европеец в русской литературе. Проблема индивидуально-интеллектуальной адаптации в этнически чуждой среде

Всякий человек принадлежит к некоторому количеству социальных групп разного порядка – классу, этносу, цивилизации и т. д. События XX в. от Первой мировой войны до «ренессанса» этнического национализма в конце столетия убедительно доказали исключительную важность этнической, этнокультурной и этноконфессиональной принадлежности в сравнении, скажем, с принадлежностью классовой или государственной. Улучшение средств

транспорта и связи, развитие процесса глобализации привели не к слиянию этнических культур в рамках некой единой общечеловеческой культуры, но лишь сделали контакты представителей разнообразных этносов, культур и цивилизаций несравненно более интенсивными, масштабными, многогранными, чем в предшествующие эпохи. Перед наукой стоит проблема исследования межэтнических и межкультурных отношений, изучения сущности негативных межкультурных контактов, причин межэтнических конфликтов и поиска путей их разрешения. Составной частью исследований подобного рода является изучение проблемы взаимодействия отдельной личности с культурой чужого этноса, ее адаптации в чужой этнической среде. Такое исследование способно порой объяснить многие загадочные факты жизни и деятельности (в том числе интеллектуальной, творческой) отдельной исторической личности. Разумеется, экстраполяция данных исследования индивидуального контакта с чужой этнической средой на взаимодействие этнических групп, народов, цивилизаций невозможна. Речь может идти об обратном – использовании гипотез, концепций, теорий, созданных при изучении межэтнических и межкультурных отношений, для изучения интересующей нас темы, т. е. о проверке на нашем материале одной из существующих теорий. В данной работе предпринята попытка использовать некоторые положения теории Л. Н. Гумилева, т. к. она позволяет органично объединить исследование феномена этничности с цивилизационным подходом благодаря идее этнической иерархии (субэтнос – этнос – суперэтнос), в соответствии с которой этнос рассматривается как подсистема цивилизации (суперэтноса). В соответствии с этой теорией этнос рассматривается как естественно сложившийся коллектив, противопоставляющий себя другим аналогичным коллективам, что определяется ощущением комплиментарности (ощущением подсознательной взаимной симпатии/антипатии членов этнических коллективов, определяющим деление на «своих» и «чужих»), и отличающийся своеобразным стереотипом поведения<sup>1</sup>. Этнососы с положительной комплиментарностью друг к другу, объединенные также некоторыми общими особенностями культурной традиции и, нередко, религией, состав-

ляют суперэтноты. Контакты между суперэтнотами, как правило, носят негативный характер, что связано с отрицательной комплиментарностью. Вместе с тем могут иметь место и положительные формы взаимодействия (заимствования, культурный обмен и даже синтез культур), однако они неизбежно сочетаются с негативными явлениями (от взаимного недоверия до различного рода конфликтов, войн, погромов, геноцида). С точки зрения Л. Н. Гумилева, контакт российского и западно-европейского суперэтнотосов носил скорее негативный характер<sup>2</sup>. Эта гипотеза, безусловно, нуждается в проверке. Попытаемся использовать ее в качестве рабочей гипотезы, проверить данное положение на конкретном материале.

В качестве объекта исследования нами избран писатель Ю. К. Олеша (1899–1960), поляк по национальности, чье творчество, однако, принадлежит русской литературе. Поляк и европеец, всю жизнь проживший в России и СССР, писавший исключительно на русском, он оставался все же представителем западно-европейского суперэтнотоса<sup>3</sup>.

Основным источником нашего исследования служат дневниковые записи, которые Олеша вел с января 1930 г. до конца жизни<sup>4</sup>. О причинах, побудивших Олешу начать писать дневник, существует несколько точек зрения<sup>5</sup>. В начале 1960-х вдова Олеша, О. Г. Суок-Олеша, писатель В. Шкловский и литературовед М. Громов собрали часть дневниковых записей Олеша в книгу «Ни дня без строчки», которая была опубликована в 1965 г., через пять лет после смерти писателя<sup>6</sup>. Книга неоднократно переиздавалась, дополняясь новыми фрагментами. Разрозненные записи Олеша группировались по тематическому принципу («Детство», «Юность», «Золотая полка» и т. д.). Однако большая часть дневниковых записей Олеша не печаталась. Публикация этих материалов в 1996–1999 гг. стала событием, перевернувшим многие прежние представления об авторе<sup>7</sup>. Именно эти публикации дают основной материал по нашей теме<sup>8</sup>.

Следует отметить, что большинство исследований, посвященных творчеству Олеша, носили чисто филологический характер<sup>9</sup>. Исключением является книга А. Белинкова, однако исследованием творчества и биографии Олеша ее назвать нельзя<sup>10</sup>. Это, по сути, объемистый памфлет против конформизма интеллигенции.

Интересующей нас проблемы А. Белинков не касался и даже не видел ее. Не заметила этой проблемы и В. Гудкова, подготовившая к публикации дневниковые записи Олеша, изданные в 1990-е гг.<sup>11</sup> Она попыталась представить Олешу в контексте эпохи большого террора как одну из несостоявшихся жертв. Вряд ли можно признать эту попытку удачной: дневники аполитичного Олеша не дают много материала для разработки подобной темы. Проблемы взаимодействия Олеша как представителя западно-европейского суперэтнуса с иноэтничной средой и анализа биографии и творчества писателя в связи с его этнической принадлежностью в литературе никогда не поднимались.

Приступая к анализу данного источника, следует учитывать тот факт, что Олеша писал дневник в расчете на его публикацию<sup>12</sup>. Но не следует думать, что он готовил к печати все содержание своих дневников. Многие им было написано «для себя». Отделить то, что предназначалось для печати, а что нет, думаю, не всегда мог бы сам Олеша, хотя в некоторых случаях у него встречаются прямые указания на то, что тот или иной фрагмент написан им не для публикации<sup>13</sup>. Дневник Олеша содержит немало весьма откровенных рассуждений (включая признания в инцестуальных и гомосексуальных желаниях<sup>14</sup>), что дает основание относиться к дневниковым записям Олеша как к достаточно откровенному источнику, не «приглаженному» ради цензуры.

Структура дневника хаотична. Олеша несколько раз начинал его писать, пытался вести более-менее регулярные записи, но безуспешно<sup>15</sup>. В самом содержании дневника можно выделить несколько пластов: воспоминания о детстве и юности (возможно, заготовки для мемуаров); заготовки для художественных произведений – рассказов, пьес, романа «Нищий» (развернутые метафоры, заметки, наброски и т. п.); воспоминания о людях, которых Олеша близко знал, – Маяковском, Мейерхольде и др.; рассуждения о литературе, впечатления от прочитанных книг, схожие с рецензиями; собственно дневниковые записи, отражающие текущие события жизни автора и его размышления по их поводу.

Пожалуй, впервые проблема взаимоотношений Олеша с европейской культурой, с одной стороны, и российской – с другой, возникает в связи с темой Одессы (родного города писателя). Одес-

са Олеши – это прежде всего Одесса европейская: «Этот город сделали иностранцы, – пишет он, – Ришелье, де Волан, Ланжерон, Маразли, Диалегмено, Рапи, Рено, Бонифаци – вот имена, которые окружали меня в Одессе... И даже позади прозаической русской – Демидов – развевался пышный парус Сан Донато»<sup>16</sup>. Интересно, что Одесса начала XX в., полиэтничный город, где сосуществовали русская, еврейская и европейская культуры, виделась Олеше почти исключительно европейским городом. Русской Одессе посвящено лишь несколько скупых строк (см. ниже), еврейской же Одессы как будто не существовало.

Европейская Одесса на страницах дневников противопоставлена России, которая начиналась для Олеши сразу же за пределами города, у станции Одесса Малая<sup>17</sup>. Если Одесса ассоциируется у Олеши с кораблем, морем, путешествиями, мечтами о далеких странах, то Россия отождествляется с казенно-чиновничьим миром, «затхлостью», «неподвижностью», «всеми приметамы своими [Россия схожа] со зданием судебных установлений». Символом Одессы для Олеши выступает моряк, символом России – обер-кондуктор, сама национальность (т. е. русский, «каким-то боковым сходством связанный... с попами, с портретом Александра III»<sup>18</sup>). Само противопоставление моряка (символа свободы, путешествий и приключений) обер-кондуктору, прямая обязанность которого свободу ограничивать, недвусмысленно указывает на отношение Олеши к Западу, с одной стороны, и к России – с другой.

Проблема взаимодействия с русской культурой, русским (или русско-украинским) окружением возникает в связи с темой гимназии: «Россия – была гимназия и главный столп ее – директор»<sup>19</sup>. Олеша, несмотря на успехи в учебе, недолюбливал гимназию, проклинал «необходимость учиться... знать уроки»<sup>20</sup>. Образ же сурового директора, олицетворявшего для Олеши некую грозную карающую силу, не раз возникает на страницах дневников. В гимназии же Олеша столкнулся со своими русскими и украинскими сверстниками. Вот что он писал по этому поводу: «Гимназия со-вывала мне хрестоматию с изображениями русских мальчиков, бегущих с хворостинами по селу. Такие мальчики были и среди моих одноклассников. Это были помешанные на голубях мальчики.

Они плохо учились, были невнимательны и тупы. Я ненавидел их ... Им было чуждо все иностранное и вызывало в них смешливость... <...> ...не сельское, излюбленное классиками лето манило меня! Не детство Багрова-внука, не те забавы, образом которых были бегущие мальчишки с хворостинами в руках, – вся деревенская русская национальная жизнь, всегда ходившая под ненавистным мне эпитетом “привольная”»<sup>21</sup>.

В дневниковых записях Олеси и в его рассказах нередко можно встретить эпитет «нерусский», «нерусское», неизменно означающий нечто яркое, красивое, необычное: «Книги в ярких нерусских обложках»<sup>22</sup>, «несколько удивительных подарков. Вероятно, это были нерусские игрушки», великолепная Дерibasовская, «красиво мощеная нерусским камнем», и даже зелень – «нерусская»<sup>23</sup>. По аналогии можно предположить, что русское было для Олеси заурядным и пресным.

Помимо Одессы европейской, была и русская Одесса. Ей Олеша посвящает лишь несколько строчек, также неплохо иллюстрирующих авторское отношение к ней: в «русской Одессе» находились полковые казармы, «солдаты в черных мундирах с красными погонами гуляли с горничными». Что немаловажно, эта Одесса находилась «вдалеке от порта, у самой железной дороги»<sup>24</sup>. Таким образом, и здесь мы видим противопоставление порта и связанной с ним символики (свободы, моря, путешествий) – и России. Иное дело – Европа. Мечты о ней, восхищение европейской культурой буквально пронизывают его дневники. Ю. К. Олеше снится Краков<sup>25</sup>. Он сочиняет историю о своей воображаемой поездке в Париж<sup>26</sup> и даже считает, что «взгляд на европейца» (!) может изменить к лучшему его жизнь<sup>27</sup>. В симпатичных ему людях Олеша ищет близкое себе «западничество». Так, о В. В. Маяковском, перед которым он преклонялся, Олеша пишет: «Пленительно было в нем то, что он знал Европу... пленительно было знать, что этот человек близок к замечательной культуре французской живописи и поэзии. Его первые стихи кажутся возникшими из французской живописи»<sup>28</sup>. С той же чуткостью, с которой Олеша «улавливал» европейское в творчестве того или иного писателя, он замечал и неприязнь или недостаточное, с его точки зрения, внимание к Ев-

ропе. К примеру, по его мнению, А. П. Чехов, которого, кажется, еще никто не упрекал в излишнем «славянофильстве», не любил Европу. С точки зрения Олеси, в творчестве А. П. Чехова мало европейских мотивов, а в чеховских письмах из-за границы видна неприязнь к Европе<sup>29</sup>. Подобная оценка творчества и писем, кажется, уникальна. Не исключено, что Ю. К. Олешу, для которого Европа оставалась чудесной мечтой, покорила обычный для чеховских писем насмешливый тон. Столь обостренный европейский патриотизм, очевидно, был связан с нахождением в чужой этнической среде. Оказавшись в чужом этническом окружении, человек, внутренне отторгая чуждое себе, одновременно тянется к тому, что ему близко. В России Олеша особенно остро чувствовал свою принадлежность Европе, а потому идеализировал ее, превращая в прекрасную сказку, мечтами о которой он и жил. Не случайно действие сказки «Три толстяка» происходит несомненно в Европе. Отметим, не во Франции или Германии, а именно в Европе.

Хотя Олеша легко вписался в русскую (точнее, советскую) литературную жизнь, Россия оставалась для него чужой: «То, что на обложке “Огонька”, то курносое, в лентах, с баяном и с теленком – ведь оно же и всюду!» – почти с ужасом восклицал Олеша<sup>30</sup>. Комплиментарность – явление иррациональное, оно не связано с какими-либо материальными интересами. Существует либо безотчетная симпатия/антипатия к чужой ментальности, чужой культуре, чужому стереотипу поведения, либо равнодушие. В неприязненных высказываниях Олеси о России и восторженных о Западе нет рационального обоснования. В «русофобии» Олеси мы видим лишь неприятие русского быта, традиций, некоторых элементов культуры и, возможно, неприятие чужого мироощущения. Порой раздражение Олеси переходит в ненависть: «Россия – это была фотографическая группа, какую можно было увидеть в чиновничьем доме (заметим, что вновь Россия связывается у Олеси с чиновничьим миром. – С. Б.)... что может быть отвратительней этой домашней реликвии. Почему даже такая вольная вещь, как фотография... приобрела в России тяготение к неподвижности, к затхлому канону... Почему стриженный ежиком молодец полувоенного вида в расчищенных сапогах сидит по-турецки на первом

плане всех российских групп <...> Сорок остолопов расположились передо мной на картоне, уже начинающем приобретать оттенок мочи <...> Кто они – эти бородачи?... Это Россия, и я ненавижу ее»<sup>31</sup>.

Важно подчеркнуть, что подобное отношение не было связано с материальным фактором: в СССР Олеша неплохо зарабатывал (особенно в период, когда активно трудился, в 1924–1931 гг.)<sup>32</sup>, был достаточно известен, пользовался популярностью в интеллигентской среде, имел славу лучшего стилиста в советской литературе<sup>33</sup>. Репрессии 1930-х гг. его обошли. В дневниковых записях Олеша много разнообразных жалоб (главным образом – на собственную лень), но жалоб на бедность там почти нет. Да и вряд ли, скажем, в Польше Пилсудского он жил бы намного богаче, чем в СССР. Следует отметить, что неприязнь Олеша к России не распространялась на его отношение к государству. Олеша был лоялен и Российской империи, и к Советскому Союзу.

Творчество Олеша принадлежит безусловно русской литературе. Это не удивительно. Русская и европейская литературы, благодаря многолетнему творческому обмену, во многом сблизились. Тем не менее и в творчестве Олеша содержатся черты, которые роднят его с западной литературой в гораздо большей степени, чем с русской. Наиболее заметной из этих черт является физиологический натурализм, который до 1980-х гг. не был характерен для русской литературы. Знаменитую первую фразу из «Зависти»: «Он поет по утрам в клозете» В. Катаев назвал «криминальной»<sup>34</sup>, «криминальна», конечно же, не столько сама фраза, сколько то, что за ней последовало. Действительно, описание акта дефекации можно считать вызовом традициям русской литературы, тем более что в дневниковых записях Олеша есть еще более смелое описание подобного рода<sup>35</sup>.

Физиологический натурализм можно найти у многих писателей, чье творчество достаточно близко западной литературной традиции, но, скажем, В. Набокову, виртуозное владение языком позволило избежать непристойностей в самых рискованных натуралистических пассажах. У Олеша же мир в целом куда более вещественен, и физиологические подробности предстают перед чи-

тателем «во всей красе». Конечно, сейчас, после «Бориса и Глеба» Ю. Буйды и «Стрекозы, увеличенной до размеров собаки», где О. Славниковой удалось собрать, наверное, полную «коллекцию» запахов, которые только может издавать человеческое тело, пах Андрея Бабичева, «шина» жира на поясище омерзительной Анечки Прокопович, кишки, которые она разрывала, «как принцесса паутину», могут показаться достаточно невинными, но прежде русская литература, по крайней мере проза была весьма целомудренна. В русской литературе, при всей любви многих писателей к «правде жизни», описания физиологических отправления и анатомических подробностей телосложения не были приняты.

В натурализме обвиняли А. П. Чехова. В том, насколько несправедливы были подобные обвинения, может убедиться любой читатель, достаточно знакомый с творчеством автора «Архиерея». У А. П. Чехова есть описания смерти от дифтерии («Попрыгунья»), от брюшного тифа («Архиерей»), но и здесь автор упоминает только те симптомы, что считаются приличными: головокружение, кровотечение и т. п., те же, что считаются неприличными – опускаются. То же можно сказать о сепсисе у Базарова в «Отцах и детях» и даже об описании морской болезни и изнасилования в «Морской болезни» А. Куприна. А. И. Солженицын смог избежать и ненормативной лексики при описании ГУЛАГа, и физиологического натурализма в «Раковом корпусе», а ведь это была задача почти невыполнимая! Тем не менее и лагерный мир, и течение болезни описаны у Солженицына блестяще! Натуралистические описания функционирования здорового организма, по крайней мере на столь высоком художественном уровне, как у Олеси, в русской литературе отсутствуют. Другое дело, литература западная. Европейские авторы, от Рабле до Аккroyда, не особенно стеснялись в изображении естественных и противоестественных желаний и действий своих героев. И дело не в том, что они не испытывали давление цензуры, ведь в Советском Союзе ту же «Зависть» никто и не думал запрещать, зато «Улисс» Джеймса Джойса долгие годы был запрещен в ряде западных стран, в том числе в его родной Ирландии и в США. Как правило, цензором, вымарывавшим все чересчур физиологическое или эротическое, являлся сам автор, вольно

или невольно следующий традициям русской литературы. Так что В. В. Набоков имел все основания сказать: «В русской литературе не существовало раблезианской традиции Возрождения, как в других литературах, а русский роман в целом и по сей день остается, пожалуй, образцом целомудрия (верно для русской литературы до середины 1980-х. — С. Б.)»<sup>36</sup>. Кстати, у самого В. В. Набокова русские романы куда целомудренней его же английских, а среди его нимфеток, в том числе из русскоязычных романов, кажется, нет ни одной русской: Магда («Камера обскура») — немка, Лолита — американка, Мариэтта («Bend sinister») и Эмма («Приглашение на казнь») — персонажи из вымышленных стран. В. В. Набоков чувствовал русскую традицию и следовал ей гораздо в большей степени, чем Олеша.

О литературных пристрастиях самого Олеша мы имеем относительно много материала: впечатления Олеша от прочитанных книг занимают немало места в его дневниках. Предпочтение Олеша отдает западным авторам (от Данте и Монтеня до Киплинга и Чапека), но и русским писателям уделено немало места. Он много пишет о своих современниках — В. В. Маяковском, А. Грине, В. Хлебникове. Из русских классиков чаще других упоминается Лев Толстой, меньше Н. Гоголь, Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов, А. С. Пушкин. Вместе с тем у Олеша встречаются и подобные пассажи: «Кто самый лучший из писателей, которых я читал? Эдгар По и, конечно, Уэллс. Гоголь? Нет. Все-таки это Россия. Это, в общем, гимназия. Он все-таки писал по программе»<sup>37</sup>. То есть то, что отмечено «русскостью», представляется Ю. К. Олеше второсортным. «Вся изысканность пушкинской прозы есть результат подражания Мериме, — пишет Олеша, — думая о прозе Пушкина я вижу эмалевую фавулу, вижу плоскую картинку, на которой нерусский, глубоко литературный незнакомец стреляет из пистолета в какой-то портрет»<sup>38</sup>. Как известно, само имя А. С. Пушкина является для русских национальной святыней, покушаться на которую могут либо доморожденные нигилисты, либо чужаки, но ведь Олеша был именно чужаком. Сам Олеша, находясь в российской культурной среде, прекрасно осознавал, что его слова кощунственны и даже стыдился написанного<sup>39</sup>.

До сих пор речь шла о восприятии Ю. К. Олешей России и русской культуры, т. е. культуры, которая все-таки близка Западу, хотя и отлична от него. А как Олеша относился к более экзотическим культурам, как он взаимодействовал с представителями суперэтнов, более далеких от Западно-европейского? С осени 1941 по 1947 г. Олеша жил в Ашхабаде, куда попал в результате эвакуации. Казалось бы, писатель должен заинтересоваться своеобразным бытом, обычаями, оригинальной и самобытной культурой туркменского народа. Наконец, его должна была привлечь хотя бы азиатская экзотика. Ничуть не бывало! Поражает почти полное отсутствие в дневниках впечатлений от страны. Ничего! А ведь известно, что Олеша в тот период работал над переводами туркменских авторов (Х. Исмаилова, Кара Сейтлиева и др.). К сожалению, в нашем распоряжении нет этих переводов, но о том, каким знатоком туркменской жизни стал Олеша, отчасти мы можем судить по рассказу «Туркмен», который с полным основанием можно было бы назвать «Узбек», «Японец», «Швед» – как угодно. Поражает полное отсутствие в рассказе национального колорита и незнание Ю. К. Олешей местной специфики (даже кишлак у него назван аулом!). Чем объяснить данные факты? Посмотрим, чему посвящены дневниковые записи Олеси того времени: там есть и воспоминания о закате солнца в Одессе, и рассуждения о Девкалионе и Пирре, об Овидии, Стендале, Достоевском, Багрицком<sup>40</sup> – все это его занимало, но протекавшая рядом жизнь «Востока», очевидно, была ему чужда и неинтересна. На мой взгляд, отношение Олеси к чужой культуре лучше всего характеризуют следующие слова: «Когда видишь фотографию китайского храма, высеченного в скале... тут же, почти закрыв лицо, отбрасываешь это изображение. Я ничего не хочу знать об этом! Так же отворачиваешь лицо, едва успев бросить взгляд, от изображенной скульптуры древней Мексики, Перу... Почему возникает этот протест, это нежелание видеть? <...> Довольно мне и моей культуры – греческой, римской, средиземноморской культуры, моего Наполеона, моего Микеля, моего Бетховена, моего Данте, меня»<sup>41</sup>.

Непонимание и неприятие чужой ментальности, чужой культуры, чужих традиций – вещь небезобидная. «Чужак» – представитель иной культуры, иного этноса, суперэтноса (цивилизации)

нередко перестает восприниматься как человек. При конфликтах и даже мирных контактах представители различных суперэтносов порой подсознательно не считают своих противников (или партнеров) за людей. Это, очевидно, и порождает такие явления, как холокост, уничтожение индейцев и т. п. Привожу эти примеры для того, чтобы понять смысл следующей цитаты из дневниковых записей Олеши: «Совершено чудовищное преступление против человечности: болгары сбили случайно зацепивший их территорию самолет... Это так же страшно, как “Лузитания”. Причем то произошло, между прочим, во время войны и было сделано немцами, которые и сами умеют страдать, а это болгарам, которые всего лишь по-турецки жестоки (разрядка наша. — С. Б.)»<sup>42</sup>. Таким образом, за немцами признается право страдать, т. е. они люди, а болгары, очевидно, нет.

Рассмотренный материал свидетельствует о том, что контакт Олеши, представителя западно-европейского суперэтноса, со средой русского суперэтноса носил во многом негативный характер; неприятие Ю. К. Олешей русской ментальности, многих элементов русской культуры и равнодушие к мусульманской культуре не были связаны с видимыми материальными интересами, а явились проявлением отрицательной комплиментарности; отношение Олеши к Западу, западной культуре свидетельствует о ярко выраженной положительной комплиментарности, что, в свою очередь, подтверждает принадлежность Олеши западно-европейскому суперэтносу. Вместе с тем длительное нахождение в ментально чуждой среде привело к успешной адаптации в ней: Олеше удалось выработать своеобразный *modus vivendi*, позволивший ему достаточно легко включиться в литературный процесс и занять прочное место в русской литературе. Свои мысли и чувства, что могли вызвать конфликт с этническим окружением, Олеша «спрятал» в дневник.

---

<sup>1</sup> См.: Гумилев Л. Н. Этносфера: История людей и история природы. М., 1993. С. 540.

<sup>2</sup> См.: Гумилев Л. Н. От Руси до России. СПб., 1992.

<sup>3</sup> Следует отметить, что в творчестве Олеши собственно польская тема хотя и присутствует, но в сравнении с темой европейской отходит на второй план.

На страницах дневников Ю. К. Олеша предстает не столько поляком, сколько европейцем вообще. Это характерно для контактов на суперэтническом уровне: к примеру, в V в. до н. э. лакедемонянин, афинянин и даже македонец в Персии были прежде всего эллинами, противопоставлявшими себя «варварам» (персам, скифам и др.), субэтнические и этнические особенности отходили на второй план.

<sup>4</sup> Олеша Ю. К. Книга прощания. М., 1999. С. 25.

<sup>5</sup> См.: Беляков С. Плохой хороший писатель Олеша // Урал. 2001. № 9. С. 236–248; Воспоминания о Ю. К. Олеше. М., 1976. С. 295–302; Гудкова В. О дневниковой прозе Ю. Олеша // Знамя. 1998. № 7. С. 176–178.

<sup>6</sup> Олеша Ю. К. Повести и рассказы. М., 1965. Текст «Ни дня без строчки» был в этом сборнике помещен рядом с ранее издававшимися произведениями Олеша.

<sup>7</sup> Олеша Ю. К. Литературные дневники // Знамя. 1998. № 7; Он же. «Мы должны оставить множество свидетельств» // Знамя. 1996. № 10; Он же. «Начнем с того, что я видел царя...» // Дружба народов. 1998. № 7; Он же. Книга прощания. М., 1999.

<sup>8</sup> Полного издания дневников Олеша до сих пор нет. В вышедшую к столетию писателя «Книгу прощания», которая на данный момент является наиболее полным изданием дневников (по материалам личного архива писателя, который находится в РГАЛИ, ф. 358) не вошел ряд фрагментов, включавшихся в советские издания «Ни дня без строчки» (в том числе и знаменитая «Лавка метафор»), а также многочисленные повторы и варианты одних и тех же фрагментов.

<sup>9</sup> См., например: Чудакова М. О. Мастерство Юрия Олеша. М., 1972.

<sup>10</sup> См.: Белинков А. Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеша. М., 1997.

<sup>11</sup> Гудкова В. О дневниковой прозе Ю. Олеша... С. 172–180.

<sup>12</sup> Олеша Ю. К. Книга прощания... С. 98–99.

<sup>13</sup> Там же. С. 29, 208.

<sup>14</sup> Там же. С. 70, 286.

<sup>15</sup> Там же. С. 33, 35, 36.

<sup>16</sup> Там же. С. 25.

<sup>17</sup> Там же. С. 48.

<sup>18</sup> Там же. С. 48.

<sup>19</sup> Там же. С. 50.

<sup>20</sup> Там же. С. 62.

<sup>21</sup> Там же. С. 91–92.

<sup>22</sup> Олеша Ю. К. Зависть. Ни дня без строчки. Рассказы. М., 1989. С. 146, 141, 157.

<sup>23</sup> Олеша Ю. К. Книга прощания... С. 101.

<sup>24</sup> Там же. С. 177.

<sup>25</sup> Олеша Ю. К. Зависть. Ни дня без строчки... С. 165.

<sup>26</sup> Олеша Ю. К. Книга прощания... С. 195–196.

<sup>27</sup> Там же. С. 56.

<sup>28</sup> Там же. С. 135.

<sup>29</sup> Там же. С. 215.

- <sup>30</sup> Олеша Ю. К. «Начнем с того, что я видел царя»... С. 213.
- <sup>31</sup> Олеша Ю. К. Книга прощания... С. 50, 51, 52.
- <sup>32</sup> См.: Там же. С. 56–57.
- <sup>33</sup> См.: Воспоминания о Ю. К. Олеше. С. 9, 63, 68.
- <sup>34</sup> Катаев В. Алмазный мой венец // Катаев В. Собр. соч.: В 10 т. Т. 4. М., 1984. С. 188.
- <sup>35</sup> См.: Олеша Ю. К. Книга прощания. С. 208.
- <sup>36</sup> Набоков В. В. Лекции по русской литературе. М., 1997. С. 17.
- <sup>37</sup> Олеша Ю. К. «Начнем с того, что я видел царя». С. 215.
- <sup>38</sup> Олеша Ю. К. Книга прощания. С. 29.
- <sup>39</sup> См.: Там же. С. 29.
- <sup>40</sup> См.: Там же. С. 160–180.
- <sup>41</sup> Там же. С. 201.
- <sup>42</sup> Там же. С. 289.

И. Н. Викторов

## Эрнст Вигфорс и концепция экономической демократии

Поскольку сборник, в котором публикуется данная работа, посвящен интеллектуальной истории, необходимо оговорить авторскую позицию по этому вопросу. Это поможет избежать возможных недоразумений при чтении той части работы, где отводится место собственно Эрнсту Вигфорсу и его воззрениям.

Предварительно стоит задуматься о том, в чем же заключается суть исторического познания вообще. В минувшие века историкам удалось произвести столько литературы, что ни одному человеку в жизни не удастся прочитать хотя бы тысячной части всего изданного. Поэтому критерии полезности того, что написано, пишется и еще будет написано, следует обозначить ради отбора самого ценного, самого нужного среди груды накопленного информационного мусора, самым наглядным примером которого сегодня можно считать не библиотеки, не книжные магазины и газеты, а Интернет. И при ближайшем рассмотрении окажется, что никаких абсолютных критериев ценности не существует. Критерий